

Никонова Светлана Борисовна

Эстетическая дереализация мира как итог рациональной критики в концепции Бенно Хюбнера. Памяти философа и друга

Статья посвящена памяти Бенно Хюбнера, немецкого философа, чьи работы неоднократно переводились на русский язык и который часто посещал научные мероприятия в Украине, Беларуси, России. Огромное внимание ученый уделял вопросам эстетики и современного искусства. В статье показывается, что его концепция по своей сути является эстетической и позволяет обнаружить связь между критическим проектом Просвещения, произведшим то, что он называет «де-проекцией» человеческого «Я», и «всеобщей эстетизацией» современной культуры. Автор характеризует основные элементы экзистенциальной и эстетической концепции Бенно Хюбнера, поясняет способы употребления терминов, а также критическое отношение ученого к философии М. Хайдеггера, являющееся ключевым для его философского поиска.

Ключевые слова: эстетика, этика, искусство, критика, рациональность, экзистенция, религия, проекция и де-проекция.

Ніконова С.Б.

Естетична дереалізація світу як підсумок раціональної критики в концепції Бенно Хюбнера. Пам'яті філософа та друга

Стаття присвячена пам'яті Бенно Хюбнера, німецького філософа, чий роботи неодноразово перекладалися російською мовою і який часто відвідував наукові заходи в Україні, Білорусі, Росії. Значну увагу вчений приділяв питанням естетики та сучасного мистецтва. У статті зазначено, що його концепція по своїй суті є естетичною і дозволяє виявити зв'язок між критичним проектом Просвітництва, яке створило те, що він називає «де-проекцією» людського «Я», і «загальною естетизацією» сучасної культури. Автор характеризує основні елементи екзистенціальної та естетичної концепції Бенно Хюбнера, висвітлює способи вживання термінів, а також критичне ставлення вченого до філософії М. Гайдеггера, яке стало ключовим для його філософського пошуку.

Ключові слова: естетика, етика, мистецтво, критика, раціональність, екзистенція, релігія, проєкція і де-проекція.

Svetlana Nikonova

Aesthetic derealization of the world as a result of rational criticism in the concept of Benno Hübner. In memory of the philosopher and friend

The article is dedicated to Benno Hübner, a German philosopher, whose works were translated into Russian many times and who often participated in scientific events in Ukraine, Belarus and Russia. In his works great attention was paid to the problems of aesthetics and contemporary art. In this article it is shown that Hübner's concept is inherently aesthetic and reveals critical connection between the Enlightenment project that produced what he calls "de-projection" of the human Self, and "total aestheticization" of contemporary culture. The article characterizes the main elements of his existential and aesthetic concept, explains the use of terms in it, and also criticizes his attitude to the philosophy of M. Heidegger, which was the key to his philosophical search.

Key words: aesthetics, ethics, art, criticism, rationality, existence, religion, projection and de-projection.

В апреле 2016 г. ушел из жизни Бенно Хюбнер, немецкий философ, автор ряда работ, касающихся в том числе проблем эстетики и современного искусства (рис. 1).

Почти всю свою жизнь он прожил в Испании, но часто посещал Россию, Беларусь и Украину,

страстно любя восточнославянский мир и не проводя между этими странами границ. Несколько его книг были переведены на русский язык. В 2000 г. в Минске вышла в свет работа «Произвольный этос и принудительность эстетики» в переводе А. Лаврухина под

Рис. 1. Бенно Хюбнер

научной редакцией А. Демидова, а в 2006 г. — «Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время» в переводе и с комментариями А. Демидова. В 2011 г. в Санкт-Петербурге была опубликована, почти одновременно с немецкой публикацией, работа «Мартин Хайдеггер — одержимый Бытием» в переводе Е. Алымовой. Также на русском языке печатались и другие его статьи. Бенно Хюбнер — это мыслитель, оказавший значительно большее влияние на русскоязычное философское пространство, нежели на немецкоязычное. Его концепция была воспринята и приобрела популярность как пример достаточно радикальной западной теории в восточнославянском мире.

Он множество раз участвовал в конференциях в разных городах России, Беларуси, Украины (рис. 2–4).

В 2008 г. мы вместе посетили научный семинар, проходивший в Киеве (рис. 5–7). Поэтому хотелось бы посвятить ему эту статью в киевском издании.

Вопросы эстетики и философии искусства были среди первоочередных для концепции Бенно Хюбнера, которую в целом можно охарактеризовать как пример *эстетической теории* в полном смысле этого слова. Эстетика и философия искусства не составляют в ней части или одного из предметов приложения мысли, скорее саму

Рис. 2. Бенно Хюбнер и Светлана Никонова на научной конференции в Санкт-Петербурге. 2008 г.

Рис. 3. Артем Радеев, Бенно Хюбнер, Светлана Никонова (слева направо) на научной конференции в Санкт-Петербурге. 2008 г.

Рис. 4. Бенно Хюбнер с учеными Санкт-Петербургского государственного университета на научной конференции. 2008 г.

методологическую суть размышления и понимания мира ученым. Эта эстетизированность мысли является и своеобразным ограничением применимости концепции Бенно Хюбнера, что становится особенно ясным именно в вопросе его интерпретации хайдеггеровской философии.

Данная статья посвящена сути и границам теории Бенно Хюбнера.

Приступая к изложению, еще раз укажем, что сама по себе концепция известного философа не посвящена прицельно художественно-эстетическим проблемам. Бенно Хюбнер неоднократно выражал сожаление о том, что на русский язык была переведена в первую очередь книга по эстетике, которая, с его точки зрения, представляет

Рис. 5. Бенно Хюбнер и Светлана Никонова на круглом столе в Национальном авиационном университете в Киеве. 2008 г.

Рис. 6. Бенно Хюбнер с учеными Национального авиационного университета на круглом столе в Киеве. 2008 г.

Рис. 7. Бенно Хюбнер и Юлия Романенкова на круглом столе в Национальном авиационном университете в Киеве. 2008 г.

собой лишь следствие, как бы вывод, побочный эффект теории, более явно изложенной в работе «Де-проецированный человек. Метафизика скуки» ("Der de-projizierte Mensch. Meta-physik der Langeweile", 1991), до сих пор оставшейся непереведенной. Именно это — экзистенциальная проблема де-проекции человеческого «Я», а также историко-философская и историко-культурная фиксация поворотного момента в истории мысли, когда осуществляется акт де-проекции, является наиболее существенным для его рассуждения. Тем не менее тот эффект, который имеет акт де-проекции, как мы увидим, является по преимуществу эстетическим.

Позволим себе начать с цитаты другого немецкого философа, Вольфганга Вельша, на которого часто указывает в своих работах по эстетике Хюбнер, поскольку первый называет эстетику

ни больше ни меньше как современной «первой философией» („Aesthetisches Denken“, 1990), т. е. фактически новой заменой метафизики как учения о первопричинах бытия! Говоря об эстетизации современного сознания в изданной в Лондоне работе «Разрушение эстетики» ("Undoing Aesthetics", 1997), Вельш заявляет: «Со времен Канта мышление модерна исходило из интуиции о том, что природа фундаментальных условий существования, которые мы называем реальностью, является эстетической. Реальность вновь и вновь подтверждалась в качестве конституируемой не столько "реалистически", сколько "эстетически"... Это имело своим результатом возрастание значимости эстетической мысли в современном мире, а также появление необходимости изменений в структуре эстетики так, чтобы она могла стать эстетикой за пределами традиционного понимания эстетики, охватывающей весь спектр *эстетизиса* в повседневной жизни, в науке, политике, искусстве, морали и т. д.» [7, IX].

Здесь как раз фиксируется историко-философский момент перехода, а именно — противопоставление кантовской критической мысли прежней, метафизической, и кроме того, удивительная характеристика его. По сути, кантовская система в целом связывается Вельшем с эстетическим переворотом или же *критический переворот объявляется эстетическим*.

Концепция Хюбнера, на наш взгляд, будучи направленной на раскрытие экзистенциальных оснований этого перехода, позволяет понять причины такого отождествления критического переворота с эстетическим. Она показывает связь между Просвещением, то есть автономизацией человека, и эстетикой, которая таким образом, как оказывается, совершенно неслучайно формируется в качестве самостоятельной философской дисциплины именно в эту эпоху.

Главным предметом рассуждений Хюбнера является способность человека к действию, а также поиск источников человеческой активности. Фактически он исходит из тезиса о некоей *избыточности* человеческой экзистенции, которая ведет человеческий дух к тому, что иногда называют «удвоением мира», т. е., по сути дела, к тому, в чем состоит «*метафизическая потребность*». Хюбнер формулирует это в качестве экзистенциальной задачи, всегда стоящей перед человеческим существом, где-то «применять свои метафизические избытки энергии» [5, 11]. Он пишет: «Так поставленный вопрос провоцирует ответ: человек может проецировать в будущее цель, находящуюся вне его Я, двигаться к этой цели и тратить избыток своей энергии и излишнее время на ее достижение; либо ему придется нацелить свою избыточную энергию и время на собственное Я, приводя себя в движение

для того, чтобы в будущем освободиться от своего Я. Ему необходимо расходувать себя либо в Другом, либо как-то иначе. Он может вызывать какие-нибудь изменения в мире и в этом смысле быть полезным, либо ему нужно что-то вызывать в себе психически, чтобы избавляться от сиюминутных чувств и быть бесполезным, лишним. Первый ответ на экзистенциальный метафизический вопрос я называю этическим, второй — эстетическим» [5, 11].

Таким образом, проецируя свои «метафизические избытки энергии» вовне, человек сам создает цель своего стремления, надстраивает над простым механизмом жизни некий смысл, который придает ей постигаемую ясную форму. Данное действие, впрочем, происходит неосознанно. Кажется, что цель задает себя сама *извне*, *избирает* своего последователя, которому удается *узнать* ее (в то время как другие пребывают в неведении). В связи с чем водораздел или некая новая ось истории, которая может быть проведена в этом контексте, приходится на момент осознания данного акта. А этот момент и есть переход к критическому мышлению от метафизического, т. е. к самоосмыслению субъектом самого себя в своей автономии, что происходит в Новое время и эпоху Просвещения.

Именно критический переворот «де-проецирует» человека, обращает его от внешних целей на себя, делая таким образом тотальным источником смыслов и суверенным субъектом действия. Но в то же самое время это означает кризис любых внешних целей, кризис идентичности, утрату смысла, а также порождает ощущение безосновности, пустоты, нехватки. Это все, что можно обозначить словами Ницше о «смерти Бога», и также все, что характерно для структуры мышления современности.

Кризис оснований — результат становления суверенной субъективности. А становление суверенной субъективности — результат осознания целей и смыслов как собственной проекции. Но теперь, когда человек стал «де-проецированным», это вовсе не означает, что он замкнулся в себе и избавился от необходимости во внешних целях. Просто он осознает теперь эти цели как *произвольные*.

Хьюбнер предлагает обозначать это различие целей при помощи двух способов написания слов, называющих цели и смыслы, хотя они имеют, казалось бы, одно и то же значение, но фактически противоположны в их понимании. Поскольку различие не денотативно, то он предлагает, и в этом состоит некоторая специфика его концепции, различать их написание *графически*. Так, способ поведения, определенный внешней некритически воспринятой целью, ученый предлагает оформлять при письме прописными буквами — ЭТОС. Цель же эта составляет в данном

действии СМЫСЛ. В пределе этот СМЫСЛ воспринимается как божественная, сакральная инстанция, правящая миром и задающая ему порядок. Ради воли этой сакральной инстанции человек может жить и умереть, а также ради нее он может и должен уничтожать всех, кто идет в разрез с ее повелениями. ЭТОС оправдывает любую жестокость в отношении тех, кто выступает против задающего СМЫСЛ божества. Но когда это божество осмысливается критически как собственная проекция человека, религия и метафизика перестают оправдывать нарушение правил человеческого общежития. В горизонтальном плане отношения между людьми никогда не определяются ЭТОСОМ, хотя, казалось бы, этика и мораль и санкционированы религией, как это происходит с божественными заповедями (а иначе как будто они не могли бы действовать, ибо, как известно, если Бога нет — то все позволено). И все же можно признать, что этика никогда не определяется религией. Последняя направлена лишь на урегулирование отношений между людьми и только придает этому процессу характер необходимости. Потому что, как кажется, без религии ничто не принудит людей к следованию этим отношениям, кроме страха быть убитыми. Хотя можно увидеть, как в Новое время, т. е. в момент перехода к секуляризации, возникают политические теории, указывающие, что именно для преодоления этого страха люди заключают договор и создают закон, ограничивающий их свободу и заставляющий регулировать отношения даже в отсутствие Бога.

Хьюбнер пишет: «Считаю важным провести различие между этосом и моралью, поскольку только оно поможет разъяснить, почему сильный метафизический ЭТОС способен обесценивать моральные законы, причем в тех случаях, когда ЭТОС нарушается не только людьми, не являющимися его представителями, но даже и самими приверженцами этого ЭТОСА. Сильный ЭТОС всегда легитимировал исключение плюрализма мысли (гетеродоксии), иноверия и неверия, тогда как в универсальной этике или морали, которые не обременены каким-либо определенным субстанциальным ЭТОСОМ, запрет на убийство касается всех, и, если кто-либо убивает, он берет преступление на себя и должен сам нести ответственность, не сваливая вину на свой ЭТОС, своего БОГА, своего ДРУГОГО... Но особенно важным я считаю различие этоса и морали потому, что в результате его проведения становится очевидно, что недостаток ЭТОСА / этоса не обязательно означает нехватку или отсутствие морали» [5, 31–32].

Словом, в горизонтальном плане действует ЭТОС (строчными буквами), который требует построения нормального взаимоотношения между людьми. Потому горизонтальная

этика запрещает любое ущемление прав другого и по сути своей толерантна и гуманна. Хотя для поддержания ее обычно прибегают к вертикальному ЭТОСУ, что создает проблемы в понимании соотношения между этосом и ЭТОСОМ. Поскольку второй иногда требует нарушений первого, и эти нарушения оказываются сакрально оправданными, а не сакрально — преступными. В конечном счете они оставляются религией на усмотрение глубинной веры и тайны внутреннего общения с Богом, на что, как можно заметить, внимание обращает уже один из отцов христианской церкви — Блаженный Августин.

Все это мы пишем здесь в пояснение мысли Хьюбнера, поскольку цель его собственного письма состоит не совсем в одном лишь проведении этого различия. Он, скорее, пишет о том, что и в горизонтальном плане люди руководствуются некими целями, хотя и не абсолютными, которые составляют смысл их действий (о котором можно писать строчными буквами).

На основе концепции Хьюбнера можно утверждать, что важнейший акт Просвещения состоит в том, чтобы осознать, что СМЫСЛ и ЭТОС — это лишь оправдание для действия, придуманное самим человеком, хотя первоначально и незаметно для самого себя. Но если правила регуляции и относительные цели, связанные с приспособлением людей друг к другу и предполагающие компромисс, управляют секулярным обществом после совершённого акта осознания, возникает вопрос: откуда и в этом обществе берется бескомпромиссность и потребность в ЭТОСЕ — только ли из того, что *не всеми* осуществлен акт просветительского осознания?

Увы, нет! Просвещение хоть и выстраивает систему рациональной аргументации и вводит, согласно выражению Канта, религию «в пределы только разума», тем не менее именно в том, чтобы предположить теперь акт осознания господствующим, и заключена катастрофическая ошибка. И именно в этот момент в решении проблемы выходит на первый план *эстетика*. Эстетика как основанная на совершенно субъективном, очевидно признанном произвольном, суждении, которое, тем не менее, никак не является рациональным. То есть мало осознавать свое действие свободным, чтобы не претендовать на его абсолютность. Как ни странно, это достаточно хорошо отражается в метаморфозах, которые претерпевает ницшеанская идея «сверхчеловека». Сам Ницше вкладывал в нее слишком величественный пафос осознанности, еще весьма прочно, несмотря на все ехидство его волюнтаризма, укорененный в просветительских идеалах. Теперь же эта «сверхчеловеческая» настойчивость расплывается по всему обществу потребления, «сверхчеловек» оказывается «мельчающим» гораздо быстрее собственно «человека», потому что его действие

определяется теперь лишь только потребностью в *развлечении*.

Аффектация чувств, потребность в развлечении себя любыми способами — вот что составляет главный предмет рассуждений Хьюбнера о современности. Именно это он представляет базовой потребностью, которая на более высоком уровне находит свое выражение в ЭТОСЕ и СМЫСЛЕ. Последние будоражат чувства и развлекают, увлекают или, можно сказать, восхищают: восхищают, похищают в свои горные страны, в наибольшей и наиболее захватывающей мере. Но таким образом самая первичная потребность, на почве которой они произрастают, — эстетическая, потребность в удовольствии, и именно в нее изливаются те самые «избытки энергии», которые можно назвать метафизическими просто потому, что они выходят за пределы биологической, физической потребности. То есть это именно избыточность человека, и она впервые выбрасывается в сферу, которая есть сфера эстетического, не обусловленного ни логически, ни физически удовольствия, то есть некоего положительного раздражения чувства. Противоположностью этого раздражения является *скука* (именно та тема, с которой Хьюбнер, по его словам, начал свое философское странствие и которой была посвящена в итоге его диссертация).

Об избыточности человеческого существа хорошо говорит Л. Мамфорд в работе «Миф машины», не соглашаясь с дарвиновской теорией, которая, как он полагает, основывается на «викторианском принципе бережливости» и предполагает, что только необходимые изменения закрепляются из-за потребности в них. Он, напротив, считает, что избыточные мутации, которые надо было как-то упорядочить и приспособить к окружающей среде, которая их вовсе не требовала, породили весь прогресс эволюции, включая создание человеком культуры как избыточной сферы применения выбросов излишней мозговой активности человеческого существа: «Доставшееся человеку в дар сложное нервное устройство настолько превосходило его первоначальные потребности, что долгое время могло угрожать самому его выживанию». Сам избыток «интеллекта» ставил перед человеком задачу, сходную с той, что ему пришлось бы решать, если бы нужно было найти способ применения сильного взрывчатого вещества, изобретая некую оболочку, достаточно прочную, чтобы выдержать заряд и затем успешно справиться со взрывом; ограниченная сфера применения мощнейшего человеческого органа в ту пору, когда для результатов его работы еще не имелось подходящего культурного вместилища, возможно, и служит объяснением для всех тех весьма заметных проявлений иррациональности, которыми были отмечены все зафиксированные или наблюдавшиеся

формы человеческого поведения. Следует ли рассматривать эту иррациональность как еще одну часть адаптивного механизма (что, на первый взгляд, представляется нелепостью) или, напротив, признать, что такой рост «мозговитости», хотя частично и адаптивный, многократно подрывался неадаптивными реакциями, исходившими из того же источника? Если бы не это свободное пространство, «отведенное» для неадекватного поведения, человеческий род едва ли смог бы выжить.

Благодаря длительным и тяжким усилиям человек выработал некий культурный порядок, который стал служить вместилищем для его созидательности, и уменьшил опасность, которой были чреваты многие ее отрицательные проявления [2, 61].

По мнению Хьюбнера, этот уровень первичной созидательности можно охарактеризовать как эстетический. Не потому, конечно, что он имеет какое-либо отношение к красоте, отнюдь не являющейся для эстетики определяющим понятием, но потому, что имеет отношение к возбуждению чувства. Еще Кант, формулируя принципы эстетики, указывал как на исходную точку действия способности суждения именно на *чувство удовольствия*, которое возникает на до-логическом уровне и является совершенно спонтанным и произвольным, не подлежащим никаким доказательствам и тем не менее задающим для нас живую воспринимаемость окружающего мира. Мало того, по Канту, эстетическая способность суждения задает ощущение целесообразности, а значит, ощущение осмысленности мира без какого-либо знания о том, каким является этот смысл.

И именно как таковая эстетическая потребность в удовольствии является для человека принудительной, в то время как любой этос, в том числе и ЭТОС — произвольным. При осознании произвольности этоса, метафизические избытки энергии возвращаются к базовому уровню применения, и отсутствие этоса компенсируется эстетически — через развлечение или через постановку целей совершенно произвольных, но таких, которые воспринимаются с самой радикальной и активной непреложностью. Это могут быть цели идеологические (причем идеология отличается от метафизики именно тем, что ее произвольность, ее человеческий характер *осознаны*), политические, экологические, диетические, художественные, потребительские, развлекательные и т. п. «Где жизнь не имеет смысла — приходится жить чувствами» [5, 63]. В этой связи Хьюбнер говорит о формировании «эстетического этоса», приводя в пример метаморфозу чувства, лежащую в основе, скажем, нацистской идеологии: «Между этическим и эстетическим подчас трудно провести границы. Я не знаю, сколько идеологии

в головах у skin heads, из-за скуки ли они избивают и убивают гомосексуалистов и турок или по идеологическим убеждениям. Для тех, кто совершает преступление от скуки, жертва случайна, ею может оказаться любой. Многим скучающим героям, чтобы пустить в ход кулаки, достаточно того, если не понравился нос случайного прохожего. Чтобы оправдать, сублимировать простое нигилистическое удовольствие от насилия, надо было бы под skin heads подвести какую-нибудь расистскую идеологию...» Для жертв, разумеется, все равно, по каким мотивам они были избиты, а насильники в любом случае получают удовольствие. И если skin heads совершают преступления во ИМЯ какого-то нацистского символа, во ИМЯ какого-то расистского постулата о чистоте, то исходя из факта, что они родились не в тоталитарной системе и не по принуждению играют свою роль, нужно задаться вопросом, не смешиваются ли здесь оба компонента: во-первых, метафизическая потребность зависимости и подчинения ДРУГОМУ, вождю, который говорит им, что делать, дает им, следовательно, экзистенциальную и прагматическую легитимацию; во-вторых, свойственный молодежи природный потенциал насилия, избыточные мускульные силы, которые не получают в этом обществе разумного направления, не могут найти в нем применения и перегореть. Поскольку в нашем мультикультурном, плюралистичном обществе человек не подвергается идеологическому принуждению и лишь поддается соблазнам, постольку индивидуум позволяет увлечь себя тем религиям, сектам, идеологиям, которые более всего соответствуют его персональному крою (интеллекту, жизненному опыту, воспитанию или невоспитанности, физическим потребностям, нуждам, желаниям)... Многообразие идеологических опций объективно соответствует мировоззренческой панораме прихотей, возникшей после краха мегаисторий и тотально-тоталитарных идеологий, а с субъективной стороны отвечает метафизической потребности вновь упразднить прихотливость и осознать себя метафизически [5, 90–92].

То есть выбор совершается произвольно-эстетически, в полном согласии с установкой на свободу, высказанной некогда Ж.-П. Сартром: творить свой моральный выбор как произведение искусства. Но из-за исчезновения какого-либо этоса или, точнее, в связи с полной его эстетизацией, с опорой только на чувства, эта свобода сопровождается полным крахом ответственности. Искусство перестает быть выразителем «высоких целей» в тот же момент, когда происходит кризисное осознание этих целей и наступает крах «метанарративов». Теперь, собственно говоря, возможно все — лишь бы только *не заскучать*. Можно даже предаться вере самого фундаменталистского толка и производить самые жуткие

акции как художественные, так и политические во имя вновь придуманного и эстетически установленного этоса.

Суть такого действия является художественной, однако, конечно, не имеет отношения к тому, что Хюбнер называет «искусством Истины», или же Искусством с большой буквы. Фактически современное искусство для него, сколь бы концептуальным оно ни было, какие бы идеи ни проводило и как бы ни участвовало в морально-политическом действии, вообще не является искусством, если понимать под последним некую созидательную деятельность художника, направленную на выражение какого-то глубинного содержания — мира в целом (как в религиозном искусстве) или же себя самого (как в радикальных художественных реформах модерна). Хотя истина модернистского искусства была субъективной и произвольной, все же это была Истина. И потому искусство оставалось субъективным созидательным актом и было деянием этоса. И наоборот, все пространство современного искусства поглощается эстетикой, потому что все, что оно совершает, — это некое заинтересовывание (идеями, формами, цветами, техническими новшествами), таким образом оно порождает лишь *очарование*. «Где человека больше не очаровывают никакие ИСТИНЫ, единственной истиной для него является ОЧАРОВАНИЕ» [4, 21], — отмечает Хюбнер. И это очарование вновь отсылает нас к базовому уровню принудительности: удовлетворению потребности в возбуждении чувств и в избегании скуки.

По сути дела, Хюбнер постоянно говорит о современном обществе как об обществе, сметающем все элементы «надстройки», поскольку она еще в марксизме была осознана как идеологическая. Однако изучая пространство, освобожденное от надстройки, он обнаруживает здесь не столько экономический базис, который сам по себе является слишком рациональным, чтобы быть первичным, и который слишком уж ревностно привязан к тому самому «викторианскому принципу бережливости», который упоминал Мамфорд, но именно эстетический уровень избыточности, на самой начальной стадии отличающий человеческое существо от существа животного, полностью встроенного в экономический обмен природы и избытками не обладающего.

В этом смысле человек серьезно отличается от животного в своей созидательности, причём в достаточно счастливой созидательности, даже если проявления ее часто бывают агрессивны и ужасны (в этом смысле «аморальные», анти-этичны). Однако *счастье* здесь — базовая потребность: «По-видимому, эстетика не нуждается ни в какой трансцендентально-прагматической или какой-либо иной попытке фундаментальной обоснования. Вопрос, аналогичный этическому,

“зачем быть эстетичным?” ведет к вопросам “зачем жить весело?” или “зачем удовольствия?”, или “зачем быть счастливым?”. Очевидно, эстетическое первично по отношению к этическому, оно не нуждается в обоснованиях того, почему оно должно осуществиться, оно само себе является достаточным основанием» [5, 62].

Это утверждение очарования, счастья, всеохватности удовольствия придает концепции Хюбнера странный оттенок или же порождает ощущение некоего балансирования между радикальной и едкой критикой и безмятежным радостным утверждением. В конце концов, если сметание «надстройки» явилось следствием рационально-критического акта Просвещения, освободившего человека от пребывания в плену иллюзорных и жестоких Истин, развенчав их как именно иллюзорные, можно признать его неким логически необходимым и достойным деянием. Если же все-таки и теперь диктат новых истин остается и человек не становится менее жестоким от того, что понимает иллюзорность оснований своей жестокости, то можно было бы предположить, что и менее творческим и созидательным он не становится. Однако мы видим, что теперь все его творчество и созидание как бы мельчают, теряя свои великие «СМЫСЛЫ». Что само по себе антиэстетично и ведет человека к несчастью, скуке и требует восполнения. По причине чего описанная Хюбнером по сути *постмодернистская* ситуация оказывается в корне и существенно трагичной.

Рис. 8. Бенно Хюбнер. 2015 г.

Одной из любимых историй, историй поворотных, определяющих для его мысли, которые часто рассказывал профессор Хюбнер (рис. 8) как в книгах, так и в личном общении, была история про его встречу с Мартином Хайдеггером. Будучи еще молодым человеком и пребывая в неких философских колебаниях, он обратился к Хайдеггеру за советом, ибо был впечатлен его мыслью и намеревался посвятить диссертацию разработке некоторых понятий хайдеггеровской философии. В ходе этой встречи он высказал Хайдеггеру ряд своих соображений, а именно: задал ему

сверхрациональный вопрос о том, можно ли воспринимать в его концепции *бытие только как понятие*. На что Хайдеггер ответил: «Понятие? Что вы хотите им понять?» И далее добавил: «Я думаю об этом уже 40 лет. Вы пришли к тому пункту, где Вы видите еще лишь все в черном» [5, 79]. В этот момент Бенно Хюбнер понял, что Бытие для него «отправилось погулять вслед за Богом» [5, 79], т. е. как он утратил веру в Бога, так теперь он утратил веру в Бытие, что позднее сформулировал в книге о Хайдеггере: «Истина Бытия в том, что Бытия нет» [6]. Если воспринимать эту фразу наподобие ницшеанской «смерти Бога», т.е. понимая под словом «Бытие» нечто вроде какой-то таинственной сакральной субстанции, то она выглядит вполне укладывающейся в традицию критики метафизики. Однако загвоздка в том, что трудно представить, кто в отношении метафизики критичнее, нежели Хайдеггер, если его поворот к онтологии связан именно с *преодолением метафизики*. Видно, что в большей мере этот выпад Хюбнера можно назвать выпадом не столько против Хайдеггера, сколько против самого Парменида, стоящего у истоков метафизики и утверждающего как непреложную *логическую истину*, что Бытие есть (а небытия нет). Но именно историю метафизики, начинающуюся с Парменида и доходящую до торжества критического ниспровержения, Хайдеггер называет историей «европейского нигилизма». А в этом смысле утверждение Хюбнера — это акт полной и радикальной дереализации мира и, таким образом, это действительно акт эстетический: признание мира виртуальной иллюзией, фантазией, текстуальной структурой без бытийной подосновы, каковым мир и предстает в итоге осуществления рационального его осознания, то есть мышления его как понятия. Эстетическая дереализация мира — это результат истории последовательного мышления, последовательной критики.

Византийский исихаст Григорий Палама, яркий представитель апофатической богословской традиции, в споре с радикальными апофатиками, утверждающими немислимость, непредставимость и неощутимость Бога, говорил однажды, что апофатическое восхождение «доступно всем желающим и не пробуждает души в ангельское достоинство, оно *освобождает понятие Бога от всего прочего*, но само по себе не может принести единения с запредельным...» [1, 82] (курсив мой. — С. Н.). Апофатическое восхождение — верх рациональной процедуры, осуществленной античной метафизикой в неоплатонизме, доводящем поиск первоначала мира до самого предельного, несказуемого, сверхразумного завершения, где мы сталкиваемся с немислимым и неизъяснимым источником всего, неким тайным божественным Х. Но для Паламы остановка на этой немислимости, завершающая метафизическую

процедуру мышления, недостаточна для мистического откровения. Нужен опыт присутствия, достигаемый *внепонятийно*. Потому что, кроме того, что божество мыслится, оно еще просто *есть*.

В этом смысле нигилистическая критическая мысль Нового времени в своем нигилизме значительно более апофатична и мистична, чем любая религиозная мистика, она самым радикальным образом перепрыгивает рамки мышления божественного Х в качестве субстанции и вовсе уничтожает его. По причине чего Хайдеггер источник метафизической потребности обнаруживает в чистой способности сказать «нет», оперировать «ничто» в языке, что указывает на возможность выйти как бы за пределы сущего [3]. То, что в человеке избыточно, — это избыточно по отношению к умиротворенной наполненности сущего в целом, и это *выдвинутость в ничто*, недостаток, пустота, отсутствие. Избыточен лишь недостаток. Именно недостаток, отсутствие, может быть *неиссякаемым источником метафизической энергии*, в то время как все присутствующие источники конечны и могут иссякнуть. В этом смысле понятийное рациональное мышление подбиралось вплотную к этому источнику, т. е. к ничто, *мысля все как понятие и тем самым изничтожая все*. Потому утверждение верно: с точки зрения *мышления* истина бытия в том, что бытия нет. Однако, по сути, Хайдеггер так же, как ранее Палама, говорит, что, как и рациональное апофатическое восхождение, история европейского нигилизма, хотя и освобождает наше мышление от всего лишнего (на этот раз, говоря словами Хюбнера: от ЭТОСА, СМЫСЛА, Бога, Истины), оно *недостаточно*, потому что мышление не дает нам столкнуться с тем простым ощущением, что помимо того, что все вещи, с которыми мы сталкиваемся, есть *нечто*, они просто *есть*. Так что можно предположить, что в момент полной эстетической дереализации и виртуализации сущего, произведенной рациональным мышлением и выталкивающей нас в «постмодернистскую» гиперреальность симулятивного удовольствия, мы достигаем той точки, где «видится лишь все в черном».

Есть множество концепций, фиксирующих достигнутое состояние. Ценность концепции Хюбнера заключается в том, что она очень явственно прописывает связь между этим современным состоянием и основаниями Просвещения, критического мышления и видит постмодернистскую дереализацию, вопреки многим, не в качестве противоречия рациональной структуре Просвещения и модерна, но в качестве его прямого *итога*, устанавливает их соответствие.

Однако есть надежда, что этим нигилистическим актом в момент его полного продумывания,

мы лишь освобождаем наше мышление от всего лишнего и обнаруживаем себя в состоянии, где, быть может, мы способны будем двинуться

дальше, в сторону столь новую и таинственную, что даже Хайдеггер в своем преодолении метафизики еще не мог ее отчетливо разглядеть.

ИСТОЧНИКИ

1. Григорий Палама. Триады в защиту священо безмолствующих / Григорий Палама ; перев., послесл. и коммент. В. Вениаминова. — М. : Канон, 1995. — 384 с.
2. Мамфорд Л. Миф машины: техника и развитие человечества / Л. Мамфорд; [пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов]. — М. : Логос, 2001. — 404, [1] с. : ил.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. — 2-е изд. — М. : Академический Проект, 2013. — 288 с. — С. 16–27.
4. Хюбнер Б. Искусство истины и/или эстетика очарования / Б. Хюбнер ; пер. Е.В. Алымовой // Эстетика в XXI веке: вызов традиции? : сб. статей. — СПб. : Санкт-Петербург. филос. общ., 2008. — С. 9–36.
5. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер ; пер. с нем. — Минск : Пропилеи, 2000. — 150 с.
6. Хюбнер Б. Мартин Хайдеггер — одержимый бытием / Б. Хюбнер ; пер. с нем. Е.В. Алымовой, предисл. и науч. ред. С.Б. Никоновой. — СПб. : Академия исследования культуры, 2011. — 172 с.
7. Welsch W. Undoing aesthetics / W. Welsch ; transl. A. Inkpin — London : Thousand Oaks ; Calif. : Sage Publications, 1997. — 209 p.